

Цикл “Поселок”

Мухи.

Каждое лето меня отправляли к бабушке в поселок Высокий. То, что я описываю, касалось моих ранних лет, когда я была дошкольницей, а потом ученицей младших классов. Тогда я еще ездила в поселок не без удовольствия.

У меня там были две подружки - Тоня и Валя. Валя жила в том же доме. Ее родители купили этот *домик вместе с моими родителями* . А Тоня жила через несколько домов по той же улице. Меня к Тоне редко пускали, нужно было переходить через дорогу, а мне одной это не разрешалось. У Вали было меньше места, сада почти не было, все занимал огород. И дома были ее мама, папа и брат. А у нас был большой сад, где было много-много места для разных игр и приключений, которые мы себе придумывали., И жила я с одной бабушкой. Так что играли, в основном, у меня. А по вечерам, когда спадала жара, и было еще светло, многие из соседних домов выходили на стадион. Там собирались ребята разных возрастов. Их родители и бабушки степенно прогуливались вокруг стадиона или сидели на лавочках, на месте которых потом построили трибуны. Те, кому выпало счастье иметь велосипед, катались сами, катали других или давали кататься. Записываться на то, чтобы тебе дали проехать кружочек, нужно было задолго, чуть ли не за несколько дней. Тут же был и товарообмен - ты мне что-то сделаешь или подаришь - а я тебе дам покататься. Но это касалось только велосипедов для подростков “Орленок” и для взрослых - “ Украина”. Те, которые разъезжали на трехколесном велосипеде, в товарно-денежных махинациях не участвовали, еще просто не умели это делать. Я села сразу на “Украину”, причем в мужской модификации - с рамой. Когда мне первый раз вдруг предложили прокатиться на “Украине”, я была настолько счастлива, что просто забыла о том, что я никогда не ездила. Поэтому я просунула ногу под раму и поехала. И потом долго-долго, пока не выросла , ездила, просунув ногу под раму. Хотя такое счастье выпадало не часто. У меня велосипеда ни до школы, ни в школе не было. Много позже, родители Вали купили себе “Украину”. Не кататься, конечно, а как транспорт для перевозки себя и грузов. Но нам давали покататься.

Мои подружки были старше меня на два года и, конечно, мной командовали. Они чаще всего придумывали игры, они меня брали или не брали играть с собой на стадион. На стадионе мы играли в мяч. Наверно, в волейбол меня не брали в команду, так что я до сих пор не умею в него играть. А вот в “выбивного” играли часто. И иногда довольно больно было, когда тебя выбивали. Но я уже тогда больше всего любила подвижные игры и потому

быстро научилась выворачиваться из-под удара. И, конечно, запомнились такие прекрасные игры как квач, выше ноги от земли и в прятки.

Вокруг стадиона, ближе к нашему дому, были заросли всяких кустарников и довольно много деревьев. Пройти там - это уже было приключение. Много позже кустарники все срезали, и оголилась довольно небольшая территория. А тогда казалось, что это целые джунгли. По периметру росли пищики. И в сезон можно было свистеть, и высвистывать всякие мелодии. Это были высокие кусты, которые, как изгородь, закрывали подступы к стадиону. И от дороги ничего не было видно, что там происходит. Среди кустов были дорожки, которые вели к стадиону и проходили мимо маленьких полянок. Для меня это была большая территория, полная приключений. И пройти там одной - это был почти подвиг. А рядом со стадионом стояла (и сейчас стоит) старая, частично разрушенная водокачка. Мама называла ее замок царицы Тамары. И я до сих пор так ее называю. Зайти в водокачку было невозможно и это придавало ей загадочности. Мы придумывали разные истории, с ней связанные. Верили и сами же и боялись. Потому, что все истории были о спрятанных там людях, привидениях, и другие страшности. Вокруг башни каждый год вырастали большие заросли какой-то высокой травы, типа конопли, и огромные лопухи. Я до сих пор, если слышу запах этой травы, вспоминаю именно эту башню. Ну а лопухи были, конечно, вместе с колючками, которые у нас являлись орденами и медалями, в зависимости от их размера. Вот там мы и играли в прятки. Можно было отойти на два шага и залечь в траве. И тебя никто не найдет, если, конечно, случайно не наступит. Это было прекрасно еще и потому, что все происходило вокруг башни, страшной башни. Где в любой момент могло произойти что-то непредсказуемое. Я, например, играя там в прятки, чувствовала себя очень смелой.

А еще мы делали шалаш у меня в саду. Каждый год делали. И это был наш дом. Мне бы, конечно, хотелось построить дом на одной из сосен, которые росли сразу за домом. Когда-то вся эта территория была лесом и почти в каждом дворе осталось по одной- две сосны. Сосны - это наша гордость Там почти всегда жили белки, прилетал дятел и много разных птиц останавливались на них отдохнуть, поделиться новостями, попеть или поругаться. Вот там, повыше, поближе к вершине, я и хотела построить шалаш. Наверно, потому, что на другие деревья, хоть часто и со скандалом, мы все-таки лазили, а вот на сосну - никогда. Так, кстати, никогда потом и не залезли и дом там не построили. А потом через несколько лет, мне мама как-то сказала, что она мечтала иметь на сосне свое гнездо. И это в то время, когда мама была далеко не ребенком. Мои братья оказывается хотели тоже там иметь свое место. И, не удивлюсь, если еще много народа разделяли эту же мечту. Между соснами висел гамак. В нем часто отдыхали. И, лежа смотрели вверх на ветки сосен. Вот оттуда, наверно, и эта мечта, такая

заразительная для многих. Сейчас я уже с великим почтением отношусь к старости сосен и сама бы на эти сосны никого не пустила.

Есть и детский грех. В саду росла, да и сейчас растет большая груша. Тогда, в пору моего детства, она уже была старой, но все же давала зеленые, маленькие и очень твердые груши. Когда они созревали, они шмякались и разбивались вдребезги. Поэтому их снимали зелеными, а потом мариновали или сушили. На этой груше облюбовали себе место жуки-рогачи. Мы их собирали, строили им дома и хотели, чтобы они в них жили. Часто домом служила стеклянная банка, где они умирали ужасной смертью, несмотря на то, что мы туда клали все самое вкусное, как мы считали, для таких жуков. И собирали мы их, соревнуясь, у кого больше жуков живет в домике. То есть, переводя, на наш, взрослый язык - кто больше убьет таких прекрасных жуков. А около дома росли два огромных куста жасмина. Сейчас они цветут мало, а тогда, во время цветения, запах жасмина витал не только по всему саду и в доме, но и на соседних участках. На нектар этих цветов слетались белые бабочки. Не знаю, как там они назывались, но их было сотни. Нас всячески поощряли убивать этих бабочек. Но мы их жалели и тоже сажали в домики. Смерть их была такая же ужасная. Почему нам никто из взрослых не объяснил какие мы жестокие - не знаю. Жасмин сейчас цветет мало, стар стал. А бабочек я уже много лет не видела вообще.

Бабушка каждый день в одно и то же время днем ложилась отдохнуть. Мне в это время запрещалось не только заходить в дом, но и подходить близко к дому. Вот в это время мы, если был сезон, объедали недозрелый крыжовник, черешню или смородину. За это, конечно, сильно попадало. Но казалось, что раз никто не видит, то как догадается, что мы рвали и ели? Понос нас не брал и довольно часто, ни крыжовник, ни смородина не успевали созревать, заканчивая свое недозрелое существование у нас в желудках. И только один раз, когда у нас гостила тетя Наташа, скандал из-за объединенного куста крыжовника был такой, что мы или прекратили, или существенно сократили наши набеги.

Во дворе у Вали была куча с песком. Иногда, если собирались делать ремонт, была она и у нас. И это было отдельное счастье. Можно было строить замки с подземными ходами. Там жил народ, как правило, это были сорванные цветы. И мы бесконечно достраивали, придумывая все новые и новые истории с нашим царством-государством. Кукол не было, но цветы их вполне заменяли. Вот только королевой обязательно должна была быть роза. Ну, действительно, какой же еще цветок мог быть королевой? Смертность королев, как и подданных была велика. Они вяли, и нужно было пополнять население. А шиповника вокруг не росло. И добывать королеву, то есть срезать розу у нас или у соседей - это было отдельное приключение. Это не разрешалось, за это наказывали. Но какое же царство-государство без королевы? Вот мы и

хитрили, и воровали. На воровство королевы мог уйти целый день, уже и играть было некогда. А на следующий день нужна была новая королева.

На выходные приезжали папа и мама. А в будни мы с бабушкой были одни. Мы спали в одной комнате. В комнате было два окна. Одно из них выходило в сад . И прямо за окном росли эти самые сосны. А второе окно выходило во двор. В хорошую погоду это окно открывалось, и мы даже лазили с подружками через него, за что нам, конечно, попадало. За окном росло большое дерево алычи. Дерево или не плодоносило вообще, или давало столько плодов, что мы раздавали ведрами соседям, приезжали друзья родителей, братьев, знакомым развозили. А ягоды все падали и падали, и казалось, этот алычепад никогда не закончиться. Двор заканчивался сараем. За сараем был птичий двор. Папа сделал перегородки и там почти каждое лето жили свой единственный сезон куры. Жили неплохо, ночевали в сарае. Там у них был комфортный курник. и еда у кур всегда была хорошая. Вот только жизнь короткая и умирали все до одной на плахе, как злостные разбойники. Их куриная жизнь прерывалась осенью. Куры жили и у соседа. И у соседа всегда были петухи. И эти петухи, как им и полагается, орали и по утрам, и днем, устраивая свои петушиные побоища.

Комнатка была небольшая. Телевизора еще не было и в помине. Зато было радио. С одним каналом, обычное радио, за которое, до сих пор помню, платили 5 рублей в месяц. Радио слушали. Иногда взрослые собирались, чтобы послушать какую-нибудь интересную передачу, новости или песни. В субботу, как правило, съезжались родители, брат , приезжали дядя с тетей. Часто приезжали друзья родителей или братьев. Окно рано утром распахивалось, включалось громко радио и я просыпалась под звонкие крики по радио “На зарядку, на зарядку, на зарядку-на зарядку становись!” Была такая передача. По-моему зарядка предполагалась поздняя, в 9 утра. Я, естественно, на зарядку не вставала, но зато сразу огромное количество шумов влетало в комнату через открытое окно. Тут и голоса людей, и шум воды из колонки, и радио опять же орет. Я вскакивала быстро, потому что вокруг большая семья, со своими и криками, и смехом, и совместной работой в саду. А, возможно, еще поход к пруду. И тут никак нельзя было ничего пропустить. Ничего. Воскресенья я ждала всегда очень-очень. Поэтому и дорожила каждой минуткой, когда все были вместе.

А вот мое каждодневное, не воскресное утро начиналось всегда одинаково. Бабушка вставала рано, и уходила, чтобы меня не будить. Окно, пока я спала, было закрыто. Я просыпалась всегда в тишине. Но всегда в комнате почему-то были мухи. Хоть одна, но жужжала. И я, не раскрывая глаз, слушала это жужжание и под него выныривала из сна, под него осознавала и заново открывала, что я тут, в поселке. Что мамы и папы нет, и впереди неизведанный большущий день. Длинный-длинный, длиною в целую жизнь. И я маленькая, почему-то расту медленно-медленно. И такое одиночество

накатывало! На всем белом свете только я и эти жужжащие мухи. И я была рада их жужжанию. Потому что иначе я была бы совсем одна. И только спустя несколько минут, к моему сознанию начинали пробиваться другие звуки. Вначале резкие - крик петуха, гавканье соседской собаки. Потом звуки становились и не такими резкими - я начинала слышать пение птиц. И уже совсем тихие, например, упадет яблочко, или веточка обломиться, заскрипит. День начинался....

И вот прошло больше 50 лет. И, если я просыпаюсь и в комнате слышу муху, я тут же вспоминаю свое детство, ощущаю вкус тогдашнего нового дня, когда впереди день длиною в жизнь и никаких забот, кроме ожидания папы и мамы.